

Информационная сущность геополитики

Алексей Быков

Традиционное понимание геополитики как политологической концепции, согласно которой «политика государств, в особенности внешняя, в основном предопределена различными географическими факторами: пространством, расположением, наличием либо отсутствием определенных природных ресурсов, климатом, плотностью населения и темпами его прироста и т.д.» [Философский словарь 2001: 118], с течением времени трансформировалось, наполнилось новыми смыслами. Расширилось понимание ее базовой категории — феномена пространства.

На начальных этапах формирования геополитики и в эпоху ее классического развития основной категорией теорий и концепций было *географическое пространство*. В период господства географического детерминизма преобладало мнение, что «именно географический фактор, т.е. месторасположение страны, ее природно-климатические условия, близость или отдаленность от морей и океанов и другие параметры определяют основные направления общественно-исторического развития того или иного народа, его характер, поведение на международно-политической арене» [Гаджиев 2000: 10].

В конце XIX столетия сформировалась *классическая геополитика* как самостоятельное направление, которое «главное внимание направляет на раскрытие и изучение возможностей активного использования политикой факторов физической среды и воздействия на нее в интересах военно-политической, экономической и экологической безопасности государства» [Поздняков 1995: 42]. Положение о географической детерминированности государственной политики доминировало в геополитической теории и практике вплоть до конца XX столетия.

За рубежом классическая геополитика развивалась в нескольких направлениях, важнейшими из которых стали *континентально-европейская* (Р. Челлен) и *англо-американская* (А. Мэхэн, Х. Маккиндер, Н. Спайкмен) школы. Оба направления лежат в русле географического детерминизма с той лишь разницей, что европейские концепции основываются на эксплуатации географических преимуществ континента Европы, а англо-американские — «островных материков» (Англии, США) и Атлантики. Все эти теории предполагают активную государственную экспансию, расширение собственных территорий путем захвата чужих пространств.

Иным путем развивалась отечественная геополитическая мысль. Попытки объяснить социально-политические процессы одними лишь простыми и доступными наблюдению условиями географической среды представлялись русским ученым односторонними [Василенко 2003: 74]. Поэтому геополитическая традиция в России изначально формировалась в русле антропологических и духовных исканий (Л. Мечников, А. Хомяков, И. Киреевский, К. Аксаков, И. Аксаков, Ю. Самарин, Н. Данилевский и др.).

В начале XX столетия в нашей стране сформировалось особое направление геополитической мысли, получившее название «евразийство». У его истоков стояли Н. Трубецкой, П. Савицкий и Г. Вернадский. Евразийцы считали, что каждой цивилизации как особому социокультурному организму в сфере геополитики соответствует особое место-развитие. Большое значение они придавали зависимости политических устремлений и географических изменений от духовных основ личностей и цивилизаций.

Со второй половины XX в. начинается ревизия традиционных подходов к пониманию геополитики. Происходит и трансформация самого этого направления. По мнению К. Гаджиева, сегодня есть смысл уже «по-новому интерпретировать префикс гео- в термине “геополитика”»: не как картографическое измерение международно-политических реальностей, а как понимание мирового сообщества в виде единой “завершенной” системы в масштабах всей планеты» [Гаджиев 2000: 42]. Иными словами, префикс «гео» в контексте современных геополитических проблем увязывается не только с географическим пространством, но и с иными пространственными категориями. К таковым относится все чаще упоминаемая в последнее время категория *геоэкономического пространства* (сфера,

в которой функционирует глобальная экономическая система, рассматриваемая в ракурсе мирового воспроизводственного процесса [Геоэкономика 2007: 34]). В 1990-е годы сформировалось даже особое направление — *геоэкономика*. Будучи своеобразным синтезом геополитики, политологии и экономики, она заимствовала наработки многих научных школ: конфликтологии, экономической истории, географии и т.д.

В современной исследовательской литературе на первый план все чаще выходят пространственные категории, которые имеют смысл рассматривать, опираясь на культурологический подход. К таким категориям относится, прежде всего, *геокультурное пространство*, под которым подразумевается система устойчивых культурных реалий и представлений, формирующихся на определенной территории в ходе существования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира [Замятин 2002].

Геокультура, исследующая влияние пространства культуры на ход социальной жизни, стала отдельным научным и прикладным направлением. Термин получил распространение в общественных науках после появления книги И. Валлерстайна «Геополитика и геокультура» (1991 г.). Валлерстайн пишет о культурном основании господствующей миросистемы [Валлерстайн 2003], а под геокультурой понимает культурный способ организации мирового пространства с выделением обществ, входящих в цивилизационное ядро существующего мира, обществ периферийных и обществ, занимающих позицию так называемой полупериферии. Геокультурные цели и стратегии субъектов предполагают сохранение их геокультур-

ной уникальности, ее «трансляцию» вовне, распространение культурного влияния для решения тех или иных задач, в том числе и политического характера. Иначе говоря, речь идет о культурном основании организации мира, о геополитике, строящейся на культурных критериях различения «своих» и «чужих», усваивающих определенные ценности и не усваивающих их [см. подробнее: Последний геокультурный выбор России... 2001].

Сегодня внимание исследователей сосредоточено на разных аспектах проявления феномена геокультуры. Одно из объяснений подразумевает под геокультурой развитие географических образов. Причем геокультурный образ определяется как система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и/или цивилизаций в глобальном контексте [Замятин 2002]. Каждая культура коллекционирует определенные географические образы, приобретая, в свою очередь, те или иные образно-географические конфигурации. Геокультура интерпретируется также как культурные основания, обеспечивающие связность и легитимность имперских пространств даже в постимперский период (Б. Межуев, С. Градировский).

Существуют и другие трактовки геокультуры, в частности, как «смысла, формы и сферы деятельности человека, народов мира и государств в культурном масштабе на основе уважительного диалога, культуры мира и безопасности по поводу формулирования, уточнения и достижения личных, национальных и цивилизационных целей, идеалов, ценностей, интересов; сохранения, развития и защиты норм и традиций людей, семей, наций и обществ, их социальных институтов и сетей жизнеобеспечения от не-

приемлемых вызовов, рисков, опасностей и угроз» [Кузнецов 2003: 579].

На наш взгляд, суть геополитических устремлений, связанных с пространственной экспансией, более точно отражается в понимании геокультуры как особого рода политики по контролю и расширению культурного пространства. Исходя из этого, объяснение геокультуры должно быть связано с обозначением именно отношений по поводу сохранения, защиты культурных норм и ценностей, их распространения на иные культурные пространства.

С геокультурным пространством соотносится *пространство идеологическое*. К нему относят ментальные ценности, производимые в рамках образовательных программ и научных разработок, при создании произведений литературы и искусства [Комлева 2002: 150], а также в процессе функционирования средств массовой информации. Иными словами, данное пространство идей, взглядов, оценок формируется системой СМИ, образовательной системой, литературой, искусством и т.д., то есть всем, что связано с идеологической сферой.

В данной области, как и в геокультурных процессах в целом, важнейшим является информационный фактор. На первый план сегодня выходит *информационное пространство* — сфера, где осуществляются информационные отношения, взаимодействие между физическими лицами, социально-политическими институтами и иного рода субъектами информационной деятельности. Это пространство уже стало областью реализации политических процессов. Идет формирование и нового направления в геополитической науке — *информационной геополитики*. Создается его теоретическая база, появляются исследования, связанные с информационной составляющей глобальных политических процессов. Мож-

но отметить, в частности, работы Н. Комлевой, А. Манойло, А. Петренко, Д. Фролова, И. Панарина и др., в которых описывается трансформация государственных и общественных институтов в новых условиях, выявляется специфика информационной войны как формы противостояния государств, определяются основные категории информационной политики [Комлева 2002; Манойло, Петренко, Фролов 2003; Панарин 2006]. Эти исследования отражают современные политические реалии, в которых возрастающее значение информационной составляющей геополитики становится все более очевидным.

С одной стороны, любые более или менее масштабные военные кампании, осуществляемые ради контроля над какой-либо территорией, сопровождаются соответствующей информационной поддержкой. Например, в ходе военных операций в Ираке американцы устанавливали особые правила взаимодействия с журналистами, чтобы иметь возможность регулировать информационные потоки и грамотно влиять на создаваемую СМИ картину событий. Во время кампании 1991 г. они добивались своих целей, создавая особые журналистские пулы и ограничивая доступ к месту событий и к источникам информации. В начале 2000-х годов информационная политика военного ведомства Соединенных Штатов в этом регионе стала более открытой: представители СМИ получили возможность наблюдать за действиями американских войск непосредственно из армейских подразделений. О полной свободе и независимости журналистов речь, разумеется, не шла. Пентагон по-прежнему считал, что должен регулировать потоки информации и управлять сообщениями, так как в противном случае за него это сделает кто-то другой. Таким образом, если во время войны

в Персидском заливе 1991 г. медиаполитика Пентагона отличалась максимальной закрытостью, то в антииракской кампании 2003 г. ее можно охарактеризовать как регулируемую и управляемую открытость [Брэди 2008: 83].

Недавние события, связанные с вооруженными столкновениями, в которые были вовлечены Грузия, Россия, Южная Осетия и Абхазия, также указывают на стремление сторон контролировать информационное пространство и извлекать из этого соответствующие геополитические выгоды. В СМИ, подконтрольных российской, абхазской или южноосетинской сторонам, неизменно присутствовали негативные отзывы о действиях Грузии и роли Соединенных Штатов, поддерживающих политику грузинского руководства на Кавказе. Крупные средства массовой информации Европы и США, наоборот, акцентировали внимание на «агрессивном поведении» России в сложившейся ситуации, прогнозировали ее изоляцию со стороны мирового сообщества, соответствующим образом формируя общественное мнение в своих странах.

С другой стороны, геоинформационное противостояние сегодня осуществляется независимо от использования военной силы. Приведем классический пример — утверждение идеологии капитализма и ценностей капиталистического мира в странах, которые на протяжении многих десятилетий относились к социалистическому лагерю. Или другой пример: активное распространение продукции американского кинематографа и медиа-индустрии в других странах (настолько активное, что некоторые государства вынуждены вводить ограничения на прокат американских фильмов).

Несмотря на то, что отдельные авторы обращаются к осмыслению некоторых проявлений информационной геополити-

ки, современная наука еще не выработала концептуальный подход к ее объяснению. На наш взгляд, феномен информационной геополитики следует рассматривать в контексте социокультурного процесса. Речь в данном случае идет не о чем ином, как о сопряженности, взаимозависимости политики и культуры.

Культура есть способ сохранения и воспроизводства норм, ценностей общества. На каждом историческом этапе она формирует пространство, в котором реализуется политика. Географическое, геофизическое, геоэкономическое пространства, сформировавшиеся как некий результат деятельности людей, не являются исключением, равно как и пространство информационное.

Политика становится способом эксплуатации культурных норм и ценностей. Особенно ярко это проявляется в условиях информационного общества. Здесь политическая активность перемещается в информационное пространство, субъекты оперируют набором информационных сообщений, идей, влияющих на взгляды и убеждения. Информационное пространство подвижно, способно к динамичным изменениям. Нынешний уровень развития техники и информационных технологий дает возможность эффективно оперировать информацией в глобальных масштабах, осуществлять политические действия и достигать необходимых результатов в рамках информационного пространства в самые сжатые сроки. При этом результаты политической активности (результаты эксплуатации культурных норм и ценностей), да и сам процесс публичны, заметны широкой аудитории.

Исходя из обозначенных посылов, информационную геополитику можно определить как некий подход, концепцию, объясняющую зависимость политики от информационных факторов. Политическая деятель-

ность при этом осуществляется в рамках информационного пространства, которое становится базовой категорией данного рода политической теории и практики. Целью субъектов политики является расширение влияния в информационном пространстве, борьба за контроль над информацией и информационными ресурсами. Поскольку задачи политической деятельности прямо или косвенно связаны с захватом, удержанием и реализацией власти либо политических предпочтений, речь идет об отношениях по поводу власти в информационном пространстве. Цели, методы, технологии предопределены установками политической и экономической элиты, уровнем технического и интеллектуального развития общества, сложившимися в социуме ценностями и т.д. Идеи, установки, ценности, в свою очередь, детерминированы социокультурными реалиями.

Информационную сущность современной геополитики характеризуют следующие ключевые параметры: 1) она реализуется, главным образом, в рамках особого рода информационного пространства; 2) она использует особые методы экспансии, противостояния, борьбы за доминирование в пространственных отношениях.

Описывая информационное пространство, исследователи затрудняются четко очертить его границы. Тем не менее можно говорить о наполнении данного рода пространства и описании образующих его компонентов.

Структуру информационного пространства более наглядно раскрывает перечень его составных частей:

- информация;
- информационная инфраструктура;
- субъекты, осуществляющие сбор, формирование, распространение и использование информации;

- система регулирования возникающих при этом общественных отношений [Манойло, Петренко, Фролов 2003: 32].

К часто встречающимся в справочных изданиях определениям *информации* относятся «сообщение, осведомление, сведения»; «мера устранения неопределенности», «управленческие сигналы», «процесс передачи или получения сведений», «отражение». Особо можно выделить понимание информации как некоего смысла, зафиксированного на определенном носителе.

Информационная инфраструктура в узком смысле есть распределенные в некоем пространстве носители информации (компьютеры, информационные центры, банки данных и т.д.), связанные между собой в сети средствами связи и коммуникации. В более широком значении это — система организационных структур, обеспечивающих функционирование и развитие информационного пространства и средств информационного взаимодействия. Иными словами, информационная инфраструктура обеспечивает доступ потребителей к информационным ресурсам.

Субъекты, осуществляющие сбор, формирование, распространение и использование информации, могут быть вовлечены непосредственно в информационную деятельность, а также в «информационное отражение» любой другой деятельности. Речь может идти как об отдельных индивидах, так и о небольших и крупных группах, вплоть до массовой аудитории. То же относится и к субъектам, ведущим деятельность в компьютерных сетях, в том числе в Интернете. Это индивидуальные субъекты (имеющие личные веб-сайты и страницы), корпоративные (органы власти, СМИ) и «он-лайн» сообщества. К последним относятся группы людей, общение которых основано на использовании Интернет-

технологий (веб-форумы, списки рассылки, чаты и т.п.). Такие объединения возникают в экономической, политической сферах, при осуществлении иных видов совместной деятельности.

С увеличением количества подобных сообществ, их укрупнением и развитием формируется сетевой социум (группы людей, «взаимодействие которых протекает преимущественно в глобальных компьютерных сетях» [Манойло, Петренко, Фролов 2003: 39]). Появление все новых и новых ресурсов ставит вопрос об их объединении по тематике, направлению, о профессиональной сегментации Интернета, его специализации по многим иным параметрам.

Система регулирования возникающих в информационном пространстве общественных отношений представляет собой совокупность осуществляющих управление звеньев и связей между ними. Формально эта система основывается на информационном праве. Действия субъектов права, связанные с созданием, передачей, обменом, хранением, потреблением, распространением и иным оборотом информации, информационных ресурсов, — вот основные объекты правового регулирования. В предмет информационного права можно включить: «отношения по реализации прав личности на информацию и прав на защиту от информации; отношения, касающиеся процессов информатизации и оборота информационных ресурсов; отношения интеллектуальной собственности; отношения по гражданско-правовому обороту информации; деятельность средств массовой информации; отношения по защите информации (различного рода тайн) и обеспечению информационной безопасности; правонарушения в сфере информационных отношений» [Грибанов 2003]. Регулирование возможно также путем добровольного установления правил

между субъектами информационных отношений, как это происходит, например, в сетевых блогах, на форумах и т.д.

Что касается информационной экспансии, то здесь мы имеем дело со специальной сферой деятельности субъектов общественной жизни, связанной с созданием, хранением, распространением, передачей и использованием информации. Поскольку экспансия есть расширение сферы господства, влияния, распространения чего-либо за первоначальные пределы, можно утверждать, что информационная экспансия сопряжена с расширением влияния в информационной сфере. Суть ее заключается в деятельности «по достижению национальных интересов методом бесконфликтного проникновения в сферу социальных и духовных отношений общества с целью постепенного, плавного, незаметного для общества изменения системы социальных отношений по образцу системы источника экспансии, вытеснения положений национальной идеологии и национальной системы ценностей и замещения их собственными ценностями и идеологическими установками» [Манойло, Петренко, Фролов 2003: 481].

Информационная экспансия предполагает установление контроля над важнейшими информационными ресурсами (информационно-телекоммуникационной структурой, национальными СМИ) и наращивание присутствия собственных средств массовой информации.

К особым методам, позволяющим достичь этих целей, относят: 1) экономические методы, предполагающие покупку либо установление частичного влияния над средствами массовой информации и иными структурами, формирующими информационное пространство (Интернет, средства связи и т.д.); 2) образовательные методы, предполагающие обучение специалистов и

будущей элиты других стран в собственных учебных заведениях и внедрение образовательных стандартов в зарубежных вузах; 3) информационно-психологические операции, которые условно можно разделить на пропаганду, дезинформацию и манипуляцию [Манойло, Петренко, Фролов 2003].

В настоящее время именно информационные операции становятся основной формой экспансии. Они позволяют распространить влияние на территорию, находящуюся под контролем другого геополитического субъекта, причем сделать это совершенно бескровно, не прибегая к непосредственному физическому, военному контакту. Такие операции оказываются чрезвычайно эффективными и опасными для государства-объекта воздействия, поскольку нарушают его социокультурный баланс.

Однако в действующем международном законодательстве и в законодательствах большинства развитых стран отсутствует квалификация информационно-психологической агрессии и войны как преступных деяний, угрожающих национальной и международной безопасности. Получается, что сегодня в мире нет ограничений на проведение государствами и негосударственными структурами даже самых агрессивных информационно-психологических операций.

Таким образом, информационная сущность современной геополитики становится очевидной. Ее преимущественно информационный характер на нынешнем этапе обусловлен активным развитием техники и технологий. Вместе с тем основой геополитики, как социального процесса, является целеполагающая информационно-коммуникационная деятельность. Она, в свою очередь, подразумевает передачу информации, организованной в некую форму и несущей определенное содержание (смысл).

Для достижения политических целей является необходимость в создании новой социально-информационной системы, которая не будет иметь четких географических границ. Создание такой системы должно сопровождаться формированием сложного комплекса отношений, связанных с взаимопроникновением интересов, реализуемых в пространстве информационном и географическом. Это область информационной геополитики, подразумевающей взаимозависимость политики и пространства в информационном контексте.

Будущий геополитический облик мира, вероятно, будет определен на основе нового передела зон влияния, прежде всего в информационной сфере. Наибольшим влиянием в информационном обществе обладают субъекты, имеющие более мощный потенциал в этой области. Они будут стремиться навязать менее развитым в информационном отношении участникам мировых процессов роль ведомых и зависимых. Не исключено, что информационно-коммуникационная зависимость ограничит возможности экономического развития регионов.

п р и м е ч а н и я

Брэди Р. 2008. Современные проблемы освещения внешнеполитических конфликтов (опыт американской журналистики). СПб.

Валлерстайн И. 2003. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. М.

Василенко И.А. 2003. Геополитика. М.

Гаджиев К.С. 2000. Введение в геополитику. М.

Геоэкономика. 2007 / Под ред. В.А. Михайлова. М.

Грибанов Д.В. 2003. Правовое регулирование кибернетического пространства как

совокупности информационных отношений / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Екатеринбург: <http://www.russianlaw.net/law/doc/a163.htm>

Замятин Д. 2002. Геокультура: образ и его интерпретации // Русский Архипелаг: сетевой проект «Русского Мира»: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/interpretation/image>

Комлева Н.А. 2002. Феномен экспансии. Екатеринбург.

Кузнецов В.Н. 2003. Основы геокультурной динамики безопасности в мире XXI. М.

Манойло А.В., Петренко А.Н., Фролов Д.Б. 2003.

Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М.

Панарин И.Н. 2006. Информационная война и геополитика. М.

Поздняков Э.А. 1995. Геополитика. М.

Последний геокультурный выбор России — «с краю стола богатых и сильных». Интервью Вадима Цымбурского «Русскому Архипелагу». 2001 // Русский Архипелаг: сетевой проект «Русского Мира»: <http://www.archipelag.ru/geoculture/concept/interpretation/final-choice>
Философский словарь. 2001 / Под ред. И.Т. Фролова. М.